

ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТИПИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИНСКОЙ ПРОЗЕ

Хозиева И.Х.¹, Газдарова А.Х.¹

¹ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия (362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46), e-mail: ihozieva59@mail.ru

В аналитической статье рассматриваются формы художественной типизации в современной осетинской прозе. Основное внимание уделяется движению характеров, которое протекает в разных временных планах, где связь времен становится важным сюжетно-композиционным элементом и средством художественного изображения. Пересечение разных временных планов (современности и прошлого, далекого и недавнего) становится насущно необходимым для более рельефного выделения главных звеньев развития общества, происходящего по восходящей линии. Формы художественной типизации при воссоздании жизни и характеров непосредственно зависят от мировосприятия и творческой позиции автора. Несомненна идейно-художественная общность многих произведений о современности. Можно отличить достоверность, точность изображения житейских отношений, трудового обихода, искусства психологического анализа, умения распознать доброе и прекрасное в обыкновенном течении современной жизни, в характерах героев и т.д. Эти качества реализма и художественной типизации присущи произведениям Нафи Джусойты, Гриша Бицоева, Руслана Тотрова, Васо Малиева, Георгия Тедеева, Гастана Агнаева, Мелитона Казиева, Юрия Габараева и других прозаиков. Их творчество убеждает в том, что художественный психологизм как искусство аналитического изображения характера приобретает все больший вес в поэтике реализма.

Ключевые слова: художественная типизация; концепция человека и общества; история личности; типический характер; психологический план; конкретный анализ; поток сознания; элементы эпоса и лирики; поэтика реализма; эстетический идеал.

THE FORMS OF ART TYPIFICATION IN THE MODERN OSSETIAN PROSE

Khozieva I.H.¹, Gazdarova A.H.¹

FPBEI of HE «K.L. Hetagurov North Ossetian state university», Vladikavkaz, Russia (362040, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutina, 46), e-mail: ihozieva59@mail.ru

In the analytical article are considered the forms of art typification in the modern Ossetian prose. The main attention is paid to movement of characters which proceeds in different provisional plans, where the communication times become an important subject and composite element and means of the art image. The crossing of different temporary plans (the present and the past, the far and the recent) becomes necessary for more relief allocation of the main links of society development, which is occurring in the line of ascent. The forms of art typification at a reconstruction of life and characters directly depend on perception and creative position of the author. It is undoubted an ideological and art community of many works about the present. It is possible to distinguish the reliability, accuracy of image of the everyday relations, of the labor use, the art of psychological analysis, an ability to distinguish the kind and the beauty in the ordinary current of modern life, in characters of heroes and so on. These qualities of realism and art typification are inherent to works of Nafi Dgusoiti, Grish Bitsoev, Ruslan Totrov, Vaso Maliev, Georgi Tedeev, Gastan Agnaev, Meliton Kaziev, Urii Gabaraev and other prose writers. Their work convinces us of that the art psychologism as a the art of analytical image of the character gets the increasing importance in the poetics of realism.

Keywords: The art typification; concept of the person and society; history of the personality; typical character; psychological plan; concrete analysis; consciousness stream; epos and lyrics elements; realism poetics; esthetic ideal.

В современной осетинской прозе утверждаются те формы обобщения, которые опираются на историзм мышления, исследование, анализ реальной действительности. В национальной литературе создаётся художественная концепция человека и общества. Важнейший аспект её – история личности, характер, через которые мы узнаём наше время, народ, его духовные и нравственные идеалы.

Однако сохранила ли нынешняя осетинская литература функцию художественной типизации и обобщения? Объясняет ли она нам закономерности исторического развития или, наоборот, фиксирует насильственные изломы естественного хода событий? Какие идеалы проповедует, и соответствует ли она идеалам, прорастающим из самой действительности, в которой все мы живем и выживаем? Эти сложные вопросы влекут за собой другие: осталось ли нынешняя литература по-прежнему властительницей дум, претендует ли осетинский писатель на роль учителя жизни? Для ответа следует представить картину современного литературного процесса в его основных тенденциях.

Типический характер уходит своими корнями в реальную жизнь или в прошлое, потому что осетинская литература прочно связана с действительностью: от «*Джанасты*» Арсена Коцоева, «*Чести предков*» Цомака Гадиева, «*Разбитой цепи*» Барона Боциева, «*Шума Бури*» Коста Фарниева к роману «*Поэта о героях*» Дабе Мамсурова, «*Вперед*» Татари Епхиева, другим современным романам и повестям об осетинской жизни. Условия бытия характера конкретны, изображены точно и достоверно: это обстановка на поле боя, коллективизация сельского хозяйства, индустриализация страны, повседневное окружение человека – т.е. мир, показанный во времени и в пространстве. Если вспомним книги Кудзага Дзесова, Максима Цагараева, Алыксы Букулова, Нафи Джусойты, Сергея Марзоева и Владимира Гаглоева, то легко в этом убедимся.

Движение характеров протекает в *разных временных планах*: связь времен становится важным сюжетно-композиционным элементом и средством художественного изображения. Бытие характеров понимается как многомерное с прошлым и настоящим. Подобный принцип изображения мы находим в военной прозе Тотырбека Джатиева («*Сабельный звон*», «*Дика*»), Сергея Кайтова («*Это был мой сын*», «*Второй отец*»), Георгия Дзугаева («*На острие ножа*»), Михала Басиева («*Родословная*»), Ахсарбека Агузарова («*Сын кузнеца*»), Давида Дарчиева («*Долг*»), Василия Цаголова («*И мертвые вставали*»). Однако вовсе не следует абсолютизировать этот принцип как самоценный и универсальный. Несомненно, в перспективе – новые формы и средства изображения. Сергей Морзоев, например, предпочитает последовательность развития характеров во времени, изредка используя в качестве отступления предыстории («*Кахтисар*», «*Молот и Наковальня*»). Автору важнее предоставить наибольшую свободу действий своим героям в тех условиях, поворотах судьбы, драматических ситуациях, из которых сложилась целая эпоха военных и послевоенных лет. Таковы органично складывающиеся характеры Ахсара Тохова, Ивана Богучарова, Саханджери Мамсурова, Андрея Громова, Цыппу Байматова, иностранного специалиста Шольца.

Дабе Мамсуров в своих романах [7] изображает характеры, сформировавшиеся в довоенные годы (например, Гаппо, Харитон, Батырбек, Госка и другие); оказавшись в условиях ломки старых устоев, небывало тяжелых и трагедийных, эти характеры проходят испытание на прочность. И выдерживают эти испытания именно те, у кого глубже идейная убежденность. В данном случае проводится принцип *выявления*, распознавания сущности характера в необычных условиях. «Василий Цаголов в своих произведениях изображает трагическое столкновение юности, молодости с войной и смертью. В этом противоборстве побеждает человечность героев, вооруженная убеждением, высокими понятиями своего долга и глубоким патриотическим чувством» [9, с. 69-70].

Следует обратить внимание и на художественно-философскую интерпретацию понятия судьбы в осетинской прозе, не раз выносимого в заголовок художественного произведения. Например, в повести Сергея Морзойты «Судьба» [8] и у продолжившего его традицию Гастана Агнаева «Призрак» судьба человека становится всеобъемлющим символом истории народа, свободно изъявляющего свою волю, действующего сознательно. Судьба человека и характер в этих произведениях – понятия неразделимые. Значительность единственной жизни человеческой распознается в исторических ситуациях в «*моменты роковые*», неотвратимость, предопределённость которых, однако, снимается активностью героя, преодолевающего трагические обстоятельства общенародной и личной беды. На широком полотне трилогии Елиоза Бекоева «Фатимат», в романах Гафеза «Добрый день, люди» и «Отшельник» Мелитона Габулова убедительно показано нарастание сюжета и конфликтных ситуаций. Во всех случаях индивидуальная судьба трактуется как некое историческое единство личности и события, как жизнь, творимая героем.

Господствующим в системе изобразительных средств становится психологический анализ, как наиболее гибкое средство многолинейного, объемного изображения духовного мира, внутренних побуждений, диалектики души и жизни сердца. Бережно сохраняя индивидуальность, неповторимость духовной жизни, писатель раскрывает ее сложность у людей разных социальных групп и классов – колхозника, рабочего, военного, ученого, врача, интеллигента. Таковы итоги тех разительных исторических перемен, преобразовавших духовный мир людей. Нет необходимости в том, чтобы перечислять новые качества психологизма личности героя. Конкретный анализ приведет к пониманию существа вопроса. Здесь же нужно выделить общие тенденции развития психологизма в осетинской прозе. Прежде всего, это усиление роли *повествователя*, выступающего в качестве героя или автора. Иногда уже в одном произведении наблюдается переселение двух планов повествования: личностно-индивидуального и объективного.

В соответствии с этим наблюдается взаимодействие разных психологических планов или даже систем, каждая из которых отличается внутренне (восприятие, точка зрения, тип мышления, смена настроений и чувствований) и внешне-речевым строем. Происходит демократизация повествовательной манеры, широкое проникновение в авторское повествование различных форм народно-разговорной речи, обусловленной определенным социально-психологическим складом и нравственным состоянием действующего лица. Подобные формы психологизма мы находим в произведениях Нафи Джусойты, Сергея Марзойты, Руслана Тотрова, Гриша Бицоева, Гастана Агнаева. В романах Нафи Джусойты повествовательная авторская речь во многих случаях максимально приближена к народно-разговорной, иногда сливается с ней, сохраняя, однако, авторскую стилистическую самобытность. Конкретный анализ его романов *«Слезы Сырдона»* и *«Снегопад»* нас в этом глубоко убеждают.

В произведениях мемуарного плана усилено объективное начало, так как авторы стремятся воплотить именно общезначимое и переживаемое многими. В произведениях мемуарно-биографического жанра, напротив, преобладает личностная точка зрения, пафос частного бытия, господствует самоанализ, самопознание, временами – поток сознания. Лиризм приобретает качества и форму художественного психологизма, когда выражает особенности восприятия действительности, напряжение эмоций, романтико-возвышенное настроение, особый склад характера. Однако истоки лиризма исследуются конкретностью: это может быть общественный интерес писателя и его патриотическое чувство, ощущение причастности к высоким переживаниям. Горизонты видения, сила и значительность эмоциональных переживаний, значимость нравственного опыта – все это может объяснить происхождение лиризма и его качества (См.: *«Рубцы на сердце»* Кудзага Дзесова, *«Мои воспоминания»* Андрея Гулуева, *«Вчера и сегодня»* Дабе Мамсурова, *«Воспоминания»* Александра Царукаева, *«Из воспоминания молодости»* Измаила Айларова, *«Первые дни на родной земле»* Гоги Бекоева, *«Корни и ветви»* Заура Кабисова, *«Сердце обливалось кровью»* Герсана Кодалаева).

Лиризм как определенное эмоционально-психологическое состояние и качество восприятия, отношения к действительности, свойствен эпическим и лирическим произведениям (дневник, путевые заметки, записные книжки), воплощается в определенной стилевой и стилистической манере (патетика, внимание к состоянию повествования и т.д.). Повесть Гастана Агнаева *«Осенние длинные дороги»* – синтезирует элементы эпоса и лирики. Познание прекрасного в человеке, постижение горечи, приобщение его к нравственным и творческим основам народной жизни – вот направление психологического анализа в *«Осенних длинных дорогах»*, где лиризм обусловлен различными

обстоятельствами, но неизменно становится выражением настроений, душевных состояний, сердечных волнений героя. Эти проблемы кроме нас активно разрабатываются в трудах И.В. Мамиевой [5, с. 103-109]. В своих исследованиях она также затрагивает вопросы художественной типизации и типологии [6].

Разумеется, в произведениях эпического плана (повести, романы о войне, городе, деревне) используются и другие принципы психологизма, так как в них господствует пафос объективности. Нужно обратить внимание на художественный *синтез событий и характеров*, дающий направление психологическому анализу и определяющий его специфику в данном случае. Например, психологизм Васо Малиева в романе «Дом Сурме» [4] основан на глубоком понимании драматизма действительности, осложненной условиями войны и послевоенными трудностями, столь суровыми и небывалыми, современными реалиями, осложненными проблемами личности и общества, что устоять в них могли характеры незаурядные, сильные, лишь причастные к общему делу и живущие одной целью. Драматизм общей жизни воспроизводится в столкновениях мнений и точек зрения, раскрывающих общие переживания. На этом фоне отчетливо вырисовывается сложный и противоречивый мир чувств и переживаний Сурме, Царая, Асланбека, Сабана, Залины, Олимпиады и т.д.

В последние годы резко обозначилась тенденция к социально-философскому осмыслению судьбы осетинского общества на изломе XX-XXI веков, в ее настоящем, прошлом и будущем; об этом романы «Благодать твоей души» – Алеша Гучмазты [3], «Угасшие мечты» – Изатбега Цомартова [10], «Вечерняя звезда» – Гриша Бицоева [2] и «Младшая дочь Темыра» – Гастана Агнаева [3], где перелом в жизни и мировоззрении героев происходит накануне развала великой страны. Былая растерянность нашей литературы перед этим роковым событием, состояние невнятности и замалчивания со временем прошли. Наступила четкость проявленного (через художественное сознание) исторического факта. Однако признаем, что, несмотря на все идейно-художественные перемены, нынешняя осетинская литература в читательском сознании утратила статус почитаемости. Годы «великого перелома» сказались и на литературном сознании народа. При нынешней сложности, подчас натужной до надрывности жизни стремление национального читателя уйти в себя вполне понятно.

С другой стороны, зададимся вопросом о том, на что способен вытесненный из социальной жизни творческий работник, который по идее призван отображать, укреплять, воспевать? Что и говорить, социально незащищенный писатель неизбежно превращается в писателя протестного. И вместо дарящих эстетическое наслаждение произведений в нашей словесности все увеличивается вал протестных текстов, отрицательно освещающих

существующие положение вещей в обществе и стране. Каковы же возможные точки соприкосновения между литературой и властью – те коммуникационные пути, потребность в которых сейчас уже реально назрела? Ни для кого не секрет, что мы живем в сложное время перемен. Подлинные пути национального самосознания – а это единственное условие избежать лишних ходов! – неминуемо пролегают через нашу серьезную, честную литературу, требующую углубленного аналитического прочтения.

Опыт осетинской прозы, представленной творчеством Кудзага Дзесова, Дабе Мамсурова, Елиоза Бекоева, Гафеза, Георгия Дзугаева, Максима Цагараева, Сергея Кайтова, Нафи Джусойты, Сергея Марзойты, Гриша Бицоева, Руслана Тотрова, Васо Малиева, Георгия Тедеева, Гастана Агнаева и других прозаиков убеждает нас в том, что художественный психологизм как искусство аналитического изображения характера приобретает все больший вес в поэтике реализма. Конечно, в будущем надо будет обратить внимание и на другие формы художественной типизации. В частности, на стилевые качества произведений, которые активно способствуют выявлению сущности характера, убеждению позиции автора и его эстетического идеала (композиция, изобразительные средства, деталь, предметность и т.д.).

Список литературы

1. Агнаев Г. Младшая дочь Темыра : роман, элегия, рассказы. – Владикавказ : Ир, 2013. – С. 6-222.
2. Бицоев Г. Вечерняя звезда : Роман. Повесть. – Владикавказ : Ир, 2003. – 336 с.
3. Гучмазты А. Благодать твоей души // Спойте по-осетински, ребята : роман, рассказы. – Владикавказ : Ир, 1993. – 424 с.
4. Малиев В.Г. Дом Сурме : роман / перевод с осетинского. - Орджоникидзе : Ир, 1986. – 288 с.
5. Мамиева И.В. Авторское «я» в текстах северокавказских просветителей конца XVIII – начала XIX века // Вестник Дагестанского научного центра. – Махачкала, 2013. – № 50. – С. 103-109.
6. Мамиева И.В. В поисках слова: автор и герой: динамика взаимоотношений. – Владикавказ : Ир, 2008. – 366 с.
7. Мамсуров Д. Ахсарбек : роман. – Орджоникидзе : Ир, 1974; Мамсуров Д. Поэма о героях : роман. – М. : Советский писатель, 1981.
8. Марзоев С.Т. Судьба // Глашатай : сочинения. – Орджоникидзе : Ир, 1986. – С. 363-432.

9. Тедеев Г. Трудной дорогой восхождения // Литературная Осетия. – 1987. – № 69. – С. 69-70.
10. Цомартов И. Угасшие мечты : роман. – Владикавказ : Ир, 2007. – 399 с.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела литературы и фольклора ФГБУН «СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ;
Бекоев В.И., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.